

на правах рукописи

Лобанова Олеся Юрьевна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и
технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2015

Диссертация выполнена на кафедре политических наук историко-политологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Научный руководитель

ФАДЕЕВА Любовь Александровна
доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой политических
наук ФГБОУ ВПО «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН
РАН

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович
кандидат исторических наук,
заведующий отделом сравнительных
политических исследований Центра
политологии и политической
социологии ИС РАН

Ведущая организация:

Институт философии и права УрО РАН

Защита состоится «__» 20__ г. в __ час __ мин. на заседании Диссертационного совета Д. 501.001.27 при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп. 4., факультет государственного управления, аудитория А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (119991, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп. 4).

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук размещен на сайте ФГУ МГУ «__» 20 __ г.

Автореферат разослан «__» 20 __ г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат политических наук,
доцент

Е.В.Андрюшина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вопросы политической мобилизации становятся актуальными во времена эпохи Модерна, когда с расширением политических прав происходит массовое участие обычных граждан в политическом процессе, что отразилось на «вторжении» индивидов в политическое пространство, ранее принадлежавшее элитам. Это вызвало особый научный и прикладной интерес исследователей, поскольку действия участников имели трудно предсказуемый характер и способны были в короткое время изменить композицию акторов и ресурсов, ранее казавшейся неизменной и устойчивой. Диверсификация форм политической мобилизации обусловила необходимость ее интерпретации и концептуализации, что в свою очередь, отразилось в появлении научных школ политической науки, предлагающих разнообразные теоретические модели, к числу которых относятся психология масс, теория классовой борьбы, исследования массового электорального поведения и др.

Политическая мобилизация, как правило, происходит в определенных городских условиях; можно сказать, что городская среда задает контекст осуществления политики оспаривания, обеспечивает пространство взаимодействия между протестующими, объектами их требований, другими участниками. Классики социальной мысли (Э.Дюркгейм, Э.Гидденс) отмечали, что плотность городского населения выступает важной причиной развития общества, способствуя установлению связей и налаживанию коллективной жизни, а Ю.Хабермас связывал появление публичной сферы с развитием городских публичных мест, к числу которых относил городские кафе, где происходили публичные дебаты и вырабатывалось отношение к общественно значимым вопросам. Само городское пространство формирует «места оспаривания» и приобретает символическое значение - всему миру известны названия площадей, связанных с массовой мобилизацией горожан — площадь Тяньаньмэнь, Майдан, Болотная, Тахир и др. Все более популярными становятся тактики использование городских пространств как формы протестного действия, например, создание палаточных лагерей или политические граффити. Проблематизация городской среды происходит через описание города как множества сетей социального взаимодействия, города как текста, процесса формирования городской идентичности, изучение городских режимов и проч. В данной работе городская среда рассматривается с позиции взаимоотношений городской власти и общественности, что позволяет учитывать особенности политической мобилизации на локальном уровне.

В истории России так же известны примеры периодов быстрой и широкой политической мобилизации. Действия по оспариванию текущей политики не исчезли в советский период и носили как открытый (движение диссидентов, рабочие восстания), так и скрытый характер. В период 1990-х годов политическая мобилизация приобрела общенациональный характер, начиная от стихийного формирования политических движений до социально-

экономических форм протеста, наиболее ярко выраженных в забастовочном движении. В 2000-х годах с укреплением вертикали власти отмечается спад протестной активности, однако полностью она не исчезла и в разных формах проявлялась в столичных и региональных городах. Одним из ярких проявлений такой активности в последние годы стало движение «рассерженных горожан» или «За честные выборы», вызвавшее повышенный исследовательский интерес к этому феномену. Представляется недостаточным рассматривать данное событие только в идейно-политическом ключе, важно поместить его в более широкий теоретико-сравнительный контекст. Многие исследователи говорят о неожиданности возникновения политической мобилизации поверх традиционных каналов рекрутирования недовольства, таких, как партии и идеологизированные движения. Мобилизация горожан в декабре 2011 года осуществлялась с использованием социальных сетей и обращением к общегражданской риторике, что поставило перед политической наукой ряд вопросов о современных типах политической мобилизации в России.

Характеристика источников и степени научной разработанности проблемы. Источниковая база исследования состоит из нескольких групп. Первую группу источников составили различные официальные документы и заявления — резолюции, подписные листы, уведомления о проведении публичных мероприятий, ответы городской администрации, протоколы собраний, акты законодательного регулирования организации и проведения публичных мероприятий и проч. Вторая группа источников представлена материалами федеральных («Коммерсант», «Независимая газета», «Нью Таймс») и региональных масс-медиа («Голоса.инфо», «Нашгород», «Эхо Москвы в Перми», «Бизнес-класс», «Новый компаньон»). На основе полученного материала из СМИ была создана база данных, которая включает в себя информацию о дате, времени и месте проведения мероприятия, его организаторах, целях, лозунгах, форме, в отдельных случаях - о количестве участников и задержаниях. В качестве источников выступала также партийная пресса («Трудовая Россия», «Советская Россия», «ЛДПР 72.ru» и др.). Третья группа источников представлена фотографиями и видеоматериалами, сделанными непосредственными очевидцами, участниками акций, местными или федеральными СМИ. С помощью фотографий удалось зафиксировать многообразие протестных лозунгов и символики, присутствие политических партий, количество участников и их расположение на площади. Видеоматериалы представлены съемкой протестов, в пермском случае — еще дискуссионным клубом, где встречались представители общественных и политических объединений. Четвертую группу источников составляют блоги, группы в социальной сети «ВКонтакте» («За честные выборы — Тюмень», «Пермь за честные выборы») и личные страницы их пользователей. Обращение к этим источникам обусловлено контекстом возникновения социального движения: социальные сети были основным инструментом мобилизации участников - в них обсуждались итоги выборов, договаривались об организации протестных действий в собственных городах, распространялись макеты

листок и проч. Блоги активистов служили дополнительным источником информации, как правило, в них публиковались тексты резолюций, анонсы о предстоящих акциях, освещалось взаимодействие с локальной властью. Пятая группа источников представлена материалами социологических опросов, проводимых в период декабря 2011-2012 годов, где анализируются общественно-политические взгляды участников, социальный состав, требования и др. В данном исследовании использовались материалы Левада-Центра, панельные исследования ВЦИОМ. Шестая группа источников относится к полевым материалам, собранным автором в течение нескольких лет (2011-2013 года). Основным источником информации послужили полуструктурированные интервью, проводимые с «рассерженными горожанами», политическими активистами и экспертами. Также была организована фокус-группа в Тюмени с участниками протестов, не аффилированными с политическими партиями или движениями. Анализ интервью помог выявить основные претензии и требования «рассерженных горожан», их личные стратегии участия и причины ухода из движения. Также использовались материалы включенного наблюдения и опросов, которые позволили проследить протестную динамику, внутриорганизационные дискуссии и конфликты. Политическая мобилизация – одна из важных категорий теории социальных движений, своеобразная фокальная точка рассмотрения множества исследовательских проблем. Политическая мобилизация – это коллективное действие, преследующее социальные и политические изменения путем публичного выражения недовольства, чей масштаб и характер связан с причинами и степенью напряженности конфликта¹.

В современных социальных науках накоплено большое количество эмпирических исследований, так или иначе затрагивающих тему политической мобилизации. Различные субдисциплины, от политической социологии до исследований коммуникации, позволяют с разных сторон проанализировать данный феномен. В исторических науках интерес к протестам и движениям оформился в период «великих революций» и в настоящее время охватывает широкий спектр событий. В работах классиков политической мысли - Т.Скокпол, Ч.Тилли, Ш. Эйзенштадта, Д.Голдстоуна - исследуется связь между политической мобилизацией и изменениями политического порядка, анализируются структурные факторы, влияющие на мобилизацию).² Отдельное направление занимает изучение «культуры протеста» фольклористами и культурными антропологами, рассматривающими процессы микромобилизации через порядки коммуникации, протестный репертуар и драматургию (Р.Вильямс, С.Элингсон, М.Штейнберг).³ В социологической науке

¹ Яницкий О. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. №6. С.3-12.

² Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and expanded edition. New York: Vintage, 1965; Эдвардс Л. Естественная история революции. Пер. с англ. О.С. Грязновой // Социологический журнал. 2005. №1. С. 101-131; Goldstone J. A. 1991. An analytical framework // Revolutions of the late twentieth century / Ed. by J. A. Goldstone, T. R. Gurr, F. Moshiri. Boulder: Westview Press, 1991. P. 37–51

³ R. Williams The Cultural Contexts of Collective Action: Constraints, Opportunities, and the Symbolic Life of Social Movements/URL:<http://wiki.zirve.edu.tr/sandbox/groups/economicsandadministrativesciences/wiki/0edb9/attachments/baddb/Williams.pdf>; S.Ellingson Understanding the Dialectic of Discourse and Collective Action: Public Debate and

исследования социальных движений сначала получили импульс в работах классиков, рассматривающих проблемы коллективного действия, а затем их последователей. Ч.Тилли в монографии «От мобилизации к революции» выделял несколько традиций в изучении политической мобилизации⁴. В основе веберизма находились важнейшие категории социологического анализа М.Вебера: «социальное действие», «система ценностей», «социальный конфликт» и «типы господства». В рамках веберизма протесты - это неустрашимый результат социальных отношений, при которых одни группы оспаривают господствующее положение других. Развитие этих идей происходило в трудах А.Обершолла (теория конфликтов), Р.Аминадзе (лидерство), Д.Гусвельда (типология движений)⁵. В традиции Э.Дюркгейма протесты объясняются быстрыми социальными изменениями и отстающими общественными нормами, что в свою очередь, приводит к индивидуальной дезориентации, разрушению социальной жизни и увеличению конфликтов. Дюркгеймовской традиции в социальных движениях придерживались Т.Гарр (относительная депривация), С.Хантингтон, Ч.Джонс (теории революций), отдельное направление — изучение феномена солидарности и ритуалов - представлено Р.Коллинзом⁶. Марксизм был одним из первых политико-интеллектуальных течений, опровергавших распространявшиеся к концу XIX века представления о массовых акциях как импульсивных действиях толпы, не имевшей собственных интересов и подверженной манипуляциям элит⁷. Также отдельно можно выделить конфликтологию — теоретические разработки Р.Дарендорфа, Л.Козера, К.Левина, М.Дойча и их интеллектуального предшественника Г.Зиммеля⁸ —оказали серьезное влияние на развитие теорий социальных движений. Эти авторы придерживались понимания конфликтов как неотъемлемой части социальной жизни: Г.Зиммель полагал, что чем интенсивней отношения между индивидами и группами, тем больше они расположены к конфликтам; Л.Козер в «Функциях социального конфликта» подчеркивал, что конфликт мобилизует членов группы и усиливает ее сплоченность; по мнению Р.Дарендорфа, любое общество подвержено изменениям, вследствие чего возникают конфликты. Разработке общетеоретических подходов к изучению социальных движений посвятили

Rioting in Antebellum Cincinnati/American Journal of Sociology Vol. 101, No. 1 (Jul., 1995), pp. 100-144; M.Steinberg The Talk and Back Talk of Collective Action: A Dialogic Analysis of Repertoires of Discourse among Nineteenth-Century English Cotton Spinners/American Journal of Sociology Vol. 105, No. 3 (November 1999), pp. 736-780

⁴С. Tilly From Mobilization to Revolution - Addison-Wesley, 1978. - 349 p.

⁵ Obersholl A. The Decline of the 1960s Social Movements // Research in Social Movements, Conflict and Change. Greenwich, Conn.: JAI, 1977; Gusfield J.Symbolic Crusade. Status Politics and the American Temperance Movement. Urbana: University of Illinois Press, 1966

⁶ Гарр Т.Р Почему люди бунтуют. - СПб.: Питер, 2005. - 461 с.; Collins R. Conflict Theory and Interaction Ritual: the Microfoundations of Conflict Theory/ Handbooks of Sociology and Social Research 2001, pp 509-531; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. —М.:Прогресс-Традиция, 2004.

⁷ Лебон Г. Психология народов и масс — М.; Академический проект, 2001. - 238 с.

⁸ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 9-12; Левин К. Разрешение социальных конфликтов— СПб.: Речь, 2000; Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина — Москва: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000.— 295 с.; Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. №1.С. 202—212.

свои работы Г.Блумер, Н.Смелзер, С.Тэрроу, Н.Залд, Ч.Тилли, М.Кастельс, А.Турен и др.

Современные российские политологические исследования политической мобилизации во многом заимствуют и развивают концепт политической мобилизации и социальных движений. Постановка исследовательских задач предусматривает необходимость обращения к работам, объясняющим контекст возникновения социальных движений в российских городах. Для решений этих задач мы использовали труды по электоральному авторитаризму (В.Гельман, Г.Голосов, Д.Травин, М.Липман⁹) и институциональной среде (С.Патрушев, А.Хлопин, П.Панов¹⁰). Далее, это работы обобщающего характера - Т.Павловой, Е.Здравомысловой, О.Яницкого, И.Халий, В.Костюшева¹¹, направленные на введение теоретического аппарата и применение западных теорий в отечественные исследования. В-третьих, это эмпирические и теоретические работы по протестным действиям в России. Их публикационный всплеск начинается в перестроечный период: в советское время официальная идеология провозглашала отсутствие конфликтов и противоречий в социалистическом обществе, а массовые протесты и сопротивление, происходившие в стране (например, Новочеркасск или восстания в лагерях), были исключены из публичной сферы. Волна гражданской активности, сопровождавшая Перестройку, и последующие многотысячные протесты были в центре исследовательского внимания на протяжении всех 1990-х годов. Аргументация многих авторов по поводу причин возникновения коллективных действий сводилась к структурным факторам — социально-экономическим и политическим преобразованиям — и социетальной трансформации¹². Подобное понимание хорошо выражает название статьи Л.Гордона «Общество

---

⁹Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // ПОЛИТЭКС. 2010. URL: <http://www.politex.info/content/view/764/30/>; Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 1; Гельман В. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе // Общественные науки и современность. 2009. № 3

¹⁰Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011; Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России/ Под ред. С.В.Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.

¹¹Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 1999; И.А.Халий. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М.: Институт социологии РАН, 2007. — 300 с; Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Полис (Политические исследования). 2008. № 5. С. 113-124; Павлова Т.В. Институциональные подходы в изучении социальных движений // Политическая наука. 2009. № 3. С. 71-83; Яницкий О. Социальные движения: теория, практика, перспектива / Яницкий О. Н. — М.: Новый хронограф, 2013. — 360 с.; Яницкий О. Элементы теории социальных движений / <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429>; Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблема теории/ http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Yanitskiy.pdf; Общественные движения в современном российском обществе: от социальной проблемы - к коллективному действию. Под ред. В.В. Костюшева. М.: СПбФ ИС РАН. 1999; Массовые движения в современном обществе / Отв. ред. С.В.Патрушев. М.: Наука, 1990.; Массовые демократические движения: истоки и политическая роль / Отв. ред. Г.Г.Дилигенский. М.: Наука, 1988; Е.Здравомылова Парадигмы западной социологии общественных движений — Наука, 1993

¹²Массовые демократические движения: истоки и политическая роль / Отв. ред. Г.Г.Дилигенский. М.: Наука, 1988; Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989-1990 / Отв. ред. В.В.Костюшев. М.-СПб.: ИС РАН, 1992.

недовольных¹³», где социальная неудовлетворенность выступает результатом переходного периода. Вторая половина 1990-х проходит под знаком забастовок и массовых акций, встречавшихся в большинстве регионов страны. На первый план выходят работы по изучению географии протестов (А.Кацва, В.Шаленко¹⁴), репертуара действий (Е.Здравомыслова, С.Климова, С.Поцелуев¹⁵), мобилизационного потенциала (И.Климов¹⁶) или отдельные кейс-стади (В.Ильин, Д.Левчик¹⁷). После масштабных протестов 1990-х годов происходит существенный спад политической мобилизации в 2000-е г. Социологические опросы по-прежнему показывали высокий протестный потенциал - по разным данным, готовность граждан принять участие в массовых акциях составляла 20-25%, но на практике численность протестующих была невысокой. В свою очередь, это противоречие подтолкнуло исследователей на поиск причин «неподвижности» российского общества, которым занимались Ю.Левада, Л.Гудков, А.Кинсбургский, Г.Робертсон¹⁸.

Тем не менее, протестная активность в 2000-х полностью не исчезла и время от времени проявлялась в разных формах: от движения против монетизации льгот до гражданских инициатив на локальном уровне. В середине 2000-х годов появляется большое количество отечественных работ, связанных с изучением феномена NIMBY (not in my backyard - «не в моем дворе» - стихийные проблемно-ориентированные инициативы, возникающие при появлении угроз, значимых для населения в целом или для отдельных социальных групп)¹⁹. Речь идет о движении против «уплотнительной застройки» (М.Закирова²⁰), в защиту обманутых дольщиков (И.Климов²¹),

¹³Гордон Л. А. Общество «недовольных» Особенности массового сознания в переходный период // Полис. - 1998. № 3; Гордон Л., Клопов Э. (ред.) Новые социальные движения в России: по материалам российско-французского исследования. М., 1993. - 184 с.

¹⁴Шаленко В.А. Социологический анализ эффективности коллективных трудовых забастовок (1987-2002 гг.)// Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России. М., 2004; Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // Социологические исследования. 2008. №3; Кацва А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России. М.-СПб., 2002. Рец. Е.И. Степанов // Социологические исследования. 2003. №2; Гордон Л. Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России. М., 1995; Гордон Л. Против государственного социализма: возможности рабочего движения (взгляд из лета 1990)/ Полис. 1991. № 1. С.67-79; Зайцев А. (ред.) Забастовки 1989-1993 гг. в России : (социологический аспект) — Калуга, 1996. - 120 с.; Ильин В. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989-1998 годы). Сыктывкар, 1998

¹⁵Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: от государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. - 1994, № 2; Климова С.Г. Репертуар солидарных действий рабочих в ситуации трудового конфликта. // Солидаризация в рабочей среде. М., 1998; Поцелуев С. П. Ритуализация конфликта. По материалам «рельсовой войны» 1998 // Полис. - 2004. № 3; Зайцев А., Клементьева А., Ермакова С., Карпенков Ю. Стратегия поведения участников забастовки // Социологические исследования. 1998. № 10. С.58-67

¹⁶Климов И. А. Шахтеры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России: Социология, этнология. 1999. Т.8. № 3. С.133-152.

¹⁷Левчик Д. А. Забастовочное движение шахтеров 1988-1991 гг. // Социс. - 2003. № 10

¹⁸Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 1997. - № 3. С. - 7-12; Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 1999. - № 6. - С. 7-13; Левада Ю. Восстание слабейших: о значении волны социального протеста 2005 г. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. - 2005. - № 3. - С. 8-15; Гудков Л. Общественные науки и современность. 2005 № 6. С. 46-57; Кинсбургский А.В. Топалов М.Н. «Гражданские качели» в России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. №5. С.56.

¹⁹Белокурова Е. Общественное участие на локальном уровне в современной России/URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/be8.html>

отношению к крупным градостроительным проектам (Б.Гладарев²²), проблеме охраны природной среды (О.Мирясова, М.Тысянчук²³). Сравнительно недавние работы обобщают опыт многолетних эмпирических исследований по проблеме развития социальных движений в России: коллективная монография «Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения» (2009) и «От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России», «Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому» (2013 год), «Социальные движения: теория, практика, перспективы²⁴» (2013 год).

В-четвертых, это исследования или отдельные кейс-стадии по материалам движения «За честные выборы». Неожиданный всплеск гражданской активности, выразившийся в серии многотысячных митингов, сместил научный фокус с анализа неподвижности общественной жизни и локальных инициатив на выдвижение гипотез о факторах и последствиях массовой политической мобилизации декабря 2011- февраля 2012 гг. На наш взгляд, можно выделить несколько ключевых гипотез, объясняющих этот феномен. Первая объясняет возникновение социального движения различными структурными факторами. Так, Д.Голдстоун, изучая российские события в рамках политической демографии, пришел к выводу о важной роли среднего класса в политической мобилизации²⁵. Это мнение во многом разделяет Г.Робертсон; в статье для *Russian Analytical Digest*, он оспаривает утверждение о внезапности проснувшегося среднего класса: «На самом деле, российское общество начало

²⁰Закирова М. "Вот здесь видно все!": самопрезентация городского общественного движения/URL:www.hse.ru/data/2010/12/31/.../Zakirova._Vot_zdesq_vidno_vse.pdf

²¹И.Климов И.А. Протестная активность в России: взаимная обусловленность стратегий конфликтующих сторон // Политические исследования. 1999, №1; Климов И.А. Социальная мобилизация – морфогенез структуры и действия // Россия: трансформирующееся общество / под. ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц. 2001; Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории концепта // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал Кубанского госуниверситета. 2004. №1

²²Гладарев, Б. «Это наш город!»: анализ петербургского движения за сохранение социального наследия//Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / Ред. К. Клеман. — М: Новое литературное обозрение, 2013. — 544 с; Гладарев Б. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011-2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2012, №4 (110), с. 29-43.

²³Мирясова О.А. Экологическое движение на селе в условиях отсутствия политического пространства (случай Сасовского района Рязанской области) // Теория и практика общественного развития. 2013. №8. С. 281-282; Мирясова О.А. Движение за экологическую безопасность города Сасово и Сасовского района. Жить, чтобы бороться. Бороться, чтобы жить // Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: НЛЮ, 2013. С. 200-277; Болотова А., Тысянчук М., Воробьев Д. Анализ и классификация экологических неправительственных организаций Санкт-Петербурга // Экологическое движение в России. Сб. научн. статей / Под ред. Здравомысловой Е., Тысянчук М. СПб.: ЦНСИ, 1999. Труды. Вып. 6. С. 13—32; Тысянчук М. Международные экологические общественные организации: акторы экологической модернизации в лесном секторе России // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США / Под ред. Тысянчук М., Кулясовой А., Кулясова И., Пчёлкиной С. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. С. 8—25.

²⁴Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три Квадрата, 2010; Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому. - М.: Новое литературное обозрение; Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому. - М.: Новое литературное обозрение, 2013.

²⁵Д.Голдстоун Civil Society and Social Movements: Nature, Origins, and Sources/Выступление в Европейском университете: <http://www.eu.spb.ru/component/content/article/941-department-of-political-science-and-sociology/international-conferences/12523-civil-society-in-russia-and-the-contemporary-world-social-movements-institutions-and-moods>

меняться медленно, но поступательно с середины 2000-х годов. Ко времени электорального фарса 2011 года организационные и культурные условия для крупномасштабных протестов уже были готовы²⁶». Отдельное направление в виде анализа социальной структуры протестующих выражено в аналитических докладах Д.Волкова, И.Соболевой, А.Бикбова, О.Крыштановской, В.Костюшева²⁷. Эта гипотеза может быть представлена в виде концепта «политической деполитизации» (А.Магун, С.Ерпылева, О.Журавлев, Н.Савельева, М.Алюков²⁸) - на характер политической мобилизации повлиял внешний контекст, представленный слабой публичной сферой и небольшим опытом гражданских коллективных действий. Географический фактор политической мобилизации был проанализирован А.Соболевым, пришедшим к выводу о том, что географические факторы воздействовали на издержки участия в протестных действиях: в плотно заселенных регионах организация коллективных действий происходила успешнее, чем на больших рассеянных территориях со слабой коммуникационной инфраструктурой²⁹. Таким образом, автор подтверждает гипотезу о политическом участии, согласно которой на решение отдельного человека участвовать или не участвовать в публичных акциях, влияет его оценка возможной массовости, которая более благоприятна в больших городах³⁰. Исследователи В.Гельман³¹, Г.Хейл³² обращали внимание на изменение структуры политических возможностей. В рамках этой объяснительной модели выполнена статья В.Гельмана «Трещины в стене», в которой автор к существенным условиям политической мобилизации относит стратегические ошибки правящей группы, не оценившей риски «обратной замены» руководителей государства, что привело к активизации недовольных избирателей. «Тем не менее, — заключает В.Гельман, — ресурсный потенциал режима оказался достаточно велик, так что власть не успела растерять большинство сторонников и в конечном итоге, хотя и не без труда, в марте 2012 года смогла удержать свое господство³³».

Вторая группа гипотез связана с когнитивными факторами мобилизации. По словам Д.Голдстоуна, «из структурных условий может складываться сцена,

²⁶Robertson G.. Russian Protesters: Not Optimistic but Here To Stay // Russian Analytical Digest. №115. June 2012. P.2-5

²⁷Д.Волков Протестные движения 2011-2012 <http://www.levada.ru/protestnye-dvizheniya-2011-2012>; Smyth R., Sobolev A. S., Soboleva I. V.A Well-Organized Play: Symbolic Politics and the Effect of the Pro-Putin Rallies// Problems of Post-Communism. 2013. Vol.60. No.2. P.24-39; Костюшев В.В. Репертуар участия в политическом протесте (случай Марша миллионов, 15 сентября 2012 г., СПб) // Социальные приоритеты молодежной политики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22-23 ноября 2012 г. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. – С.113-115,2012.

²⁸Магун А. Декабрьские протесты: взгляд политического философа/URL:<http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Dekabrskie-protesty-vzglyad-politicheskogo-filosofa>; С.Ерпылева «Родители меня не отпускали»: протестная политизация подростков в деполитизированном обществе/ URL:[http://socoftpower.rane.ru/uploads/4%20\(2013\)/8.pdf](http://socoftpower.rane.ru/uploads/4%20(2013)/8.pdf); С.Ерпылева, М.Кулаев Вернулась ли политика на улицы/URL:<http://polit.ru/article/2012/04/20/politics/>

²⁹Соболев А. Факторы коллективного действия: случай массовых протестов в России в 2011–2012 гг./URL:http://www.hse.ru/data/2012/12/18/1303840836/WP1_2012_05.pdf

³⁰Захаров А. Психология протеста/

URL:http://www.vedomosti.ru/opinion/news/8059411/psihologicheskaya_logika_protesta

³¹Гельман В.Я. Трещины в стене // Pro et Contra, 2012. №1. С.115.

³²Hale H. The Putin Machine Sputters: First Impressions of the 2011 Duma Elections Campaign // Russian Analytical Digest. №106. 21 December 2011. P. 2-5.

³³Гельман В.Я. Трещины в стене // Pro et Contra, 2012. №1. С.115.

на которой разворачивается конфликт, но форма и исход борьбы нередко определяются лишь в ходе самого революционного конфликта³⁴», поэтому культурные рамки — то, как участники оценивают успешность протестов и собственных действий — приобретают большое значение. Политические лозунги и плакаты рассматривались в работах М.Габовича, А.Морозова, А.Архиповой, Д.Громова³⁵. Исследователи полагают, что новая протестная культура, носящая смеховой характер с абсурдистскими лозунгами и всевозможными перформансами, стала объединяющим элементом гражданского участия. Подобные протестные действия, сложившиеся в контексте авторитарных трансформаций политических институтов, замечает М.Габович, способствуют формированию социального субъекта³⁶. К базе данных³⁷ М.Габовича обращаются М.Завадская и Н.Савельева, пришедшие к выводу о том, что политической мобилизации способствовало восприятие нарушения формальных процедур как личного оскорбления граждан³⁸.

Третья группа гипотез связана с исследованием мобилизации в сети, и предполагает, что социальные сети и блогосфера влияли на представления участников о количестве единомышленников и их способности к самоорганизации, а также способствовали диффузии протестных настроений и требований. О том, насколько много участников протестных акций мобилизовались через интернет, говорят данные Левада-центра: 56% опрошенных на проспекте Сахарова узнали об акции через онлайн-СМИ, 33% - из других интернет-источников³⁹. Г.Суворов, проанализировав 20 тысяч аккаунтов, пришел к заключению, что протестное движение состояло из разрозненных и не связанных между собой участников: «Иными словами, люди приходили не под давлением знакомых, каких-то групп интересов – рассуждает Г.Суворов - это было их четкое, осознанное желание и абсолютно самостоятельное волеизъявление⁴⁰» С таким выводом не согласен С.Грин в работе «Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация⁴¹», он показывает относительно высокую степень организации протестующих. Исследования М.Петровой, Л.Полющика показали, что разнообразие социальных сетей снижает численность и интенсивность акций протестов⁴². О.Кольцова, А.Щербак на основе российской блогосферы делают

³⁴Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения/URL:www.ruthenia.ru/logos/number/56/06.pdf

³⁵Д. Громов.«Мы не оппозиция, а народ»: новые черты уличного политического акционизма/URL:<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/gromov2.pdf>; А. Мороз Протестный фольклор декабря 2011 г. Старое и новое/URL:<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/moroz2.pdf>; М. Gabowitsch/URL:http://www.academia.edu/1806555/Social_Media_Mobilisation_and_Protest_Slogans_in_Moscow_and_Beyond;

Протест как обучение. Рецензия на книгу: Gabowitsch Mischa. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013/URL:[http://socofpower.rane.ru/uploads/4%20\(2013\)/11.pdf](http://socofpower.rane.ru/uploads/4%20(2013)/11.pdf)

³⁶Протест как обучение. Рецензия на книгу: Gabowitsch Mischa. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013/URL:[http://socofpower.rane.ru/uploads/4%20\(2013\)/11.pdf](http://socofpower.rane.ru/uploads/4%20(2013)/11.pdf)

³⁷PEPS (Protest Events, Photos, and Slogans)/URL: <http://gabowitsch.net/peps/>

³⁸Н.Савельева, М.Завадская (в печати)

³⁹Левада-Центр Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря/URL:<http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya>

⁴⁰Суворов Г. Общество анонимных революционеров/ URL:http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolyutsionerov-765700.shtml

⁴¹Грин С. Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация/URL:www.scribd.com/.../Твиттер-и-российский-протест-РМ-ЦИО-2012-1

предположения о том, что политическая активность в интернете является не просто онлайн-проекцией политической активности в оффлайне, но может сама провоцировать активность реальной политической жизни⁴³.

Результаты движения «За честные выборы» также не являются очевидными, и порождают ряд аналитических предположений. Авторы придерживаются общей позиции в том, что реальных успехов движение не достигло, тем не менее существенное значение имеют институциональные изменения (В.Гельман), формирование новых форм публичности (С.Грин, Д.Волков), появление «эха протеста» в виде новых гражданских групп (О.Журавлев, Н.Савельева, С.Ерпылева) и приобретение опыта коллективных действий (О.Яницкий, М.Габович).

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются социальные движения в городской среде, модели их анализа и конкретные практики. Предметом выступает политическая мобилизация, которая характеризуется через понятия мобилизационные сети, фреймы, организационную структуру, структуру политических возможностей.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – охарактеризовать политическую мобилизацию как исследовательскую модель и как практику социальных движений в городской среде.

Задачи исследования и структура диссертации определяются данной целью. Диссертационное исследование предполагает решение следующих **задач**:

1. Дать ключевые характеристики научных школ изучения политической мобилизации в контексте социальных движений
2. Обосновать выбор теории состязательной политики в качестве аналитического инструментария исследования политической мобилизации в России
3. Определить динамику политической мобилизации в движении «За честные выборы»
4. Выявить специфику городской среды в Перми и Тюмени, обусловившую развитие протестного движения
5. Определить особенности мобилизационных сетей и фреймов в рассматриваемых городах
6. Охарактеризовать роль политических партий в политической мобилизации декабря 2011- 2012 годов
7. Проанализировать стратегии протестных коалиций в обоих кейсах
8. Оценить степень эффективности реакции локальной власти на социальное движение «За честные выборы»

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методологический аппарат, предлагаемый в политической науке для изучения политической мобилизации, преимущественно

---

⁴²M.Petrova, L. Polishchuk Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia/URL:<http://opec.ru/data/2013/11/21/1234061439/1.%20Social%20Media%20and%20Protest%20Participation%20-%20Russia.pdf>;

⁴³О.Кольцова, А.Щербак “Livejournal libra”: блогосфера и политическая мобилизация в России в избирательном цикле 2011-2012гг/URL:www.hse.ru/data/2013/10/03/.../Щербак-Кольцова-IMS2013.pdf

сфокусирован на структурных и культурных теориях возникновения коллективного действия, которые первоначально рассматривались как конкурирующие теории, однако с конца XX столетия заметен синтез подходов и заимствований отдельных элементов. Научная логика, апробированная в западных исследованиях, оказывается недостаточной для анализа мобилизации в условиях российского политического контекста, который требует учета особенностей институциональной среды.

2. «Состязательная политика» исходит из представления о том, что конфигурация мобилизационных сетей, структуры политических возможностей и фреймов оказывают решающее влияние на возникновение политической мобилизации. Однако, как показывает анализ, политическая мобилизация не просто складывается из определенных элементов, но вписана в локальный контекст, поэтому важно включить характеристики влияния городской среды на развитие протестных событий.
3. Локальное измерение позволило обнаружить, что политическая мобилизация имела как общие черты, характерные для движения в целом, так и ряд особенностей. Общим основанием для мобилизации стали фреймы, предложенные на федеральном уровне, и состав мобилизационных сетей, представляющих собой спонтанную кооперацию горожан, объединенных «негативным консенсусом». Различия заключались в организационной структуре и стратегии взаимодействия с органами власти.
4. Наличие в Перми развитой структуры общественно-политических сетей позволило институционализировать протестную активность, что нашло отражение в появлении новых общественных организаций и инициатив, в то время, как в Тюмени при бедной организационной среде произошел «перехват» протеста коммунистическими партиями и последующий за этим уход беспартийных активистов.
5. Помимо общероссийских факторов демобилизации протестного движения (размывание негативного консенсуса, эрозия поддержки, ослабление мобилизационных фреймов, утрата доминирования в медийном пространстве и др.), значимым на локальном уровне было то, что сложившиеся коалиции имели собственные конъюнктурные цели, используя массовую мобилизацию как дополнительный ресурс для торга.
6. Эффективная контр-стратегия федеральной власти оказала решающее значение на динамику протеста. Изменения принципов и форм взаимодействия с протестующими в сторону ужесточения формальных процедур, обращение к контр-мобилизации, а также уголовное преследование отдельных активистов повлияло на процесс демобилизации движения.
7. Характеристика протестных движений на локальном уровне позволяет уточнить механизмы политической мобилизации и тем самым

верифицировать оценку протестов 2011-2012 как неудавшейся попытки «цветной революции».

Научная новизна работы отражена в следующих положениях:

1. осуществлен авторский анализ существующих теорий и моделей политической мобилизации;
2. предложена типология российских академических работ по политической мобилизации в постсоветское время;
3. представлена трактовка особенностей возникновения и спада социального движения общенационального уровня, реализуемого в локальном контексте, исходя из теоретической перспективы социальных движений;
4. на материалах эмпирического исследования выявлено влияние городской среды на развитие политической мобилизации, обобщены практики взаимодействия локальных активистов, показано влияние социального движения на трансформацию городской среды;
5. произведен анализ социального представительства в оппозиционном движении и контр-движении, описаны точки совпадения и разрывов в социально-политических представлениях обеих сторон; обозначены мобилизационные фреймы участников;
6. на основе эмпирических данных исследованы стратегии политических партий в отношении социального движения на субнациональном уровне, продемонстрирована разная степень их вовлеченности и участия.
7. исследованы практики взаимодействия федеральной и локальной власти с социальным движением; проанализирован набор средств, используемый для предотвращения протестных акций.

Теоретические и методологические основы исследования. Концепция работы сформирована на основе междисциплинарных подходов к проблемам коллективных действий и социальных движений. Методологической основой исследования служит теория «состязательной политики» (Ч.Тилли, Д.МакАдам, С.Тэрроу), под которой понимаются «эпизодические, публичные, коллективные взаимодействия между субъектами предъявления требований и объектами требований, в ходе которых (а) по крайней мере, одно правительство является субъектом или объектом предъявления требований, либо третьей стороной (б) требования, если будут реализованы, затронут интересы хотя бы одного из субъектов предъявления требований⁴⁴». В работах Ч.Тилли, Д.МакАдам мобилизация анализируется в рамках политического поля, представленного правительством и различными группами, конкурирующими между собой за доминирующие позиции. Политическая мобилизация для исследователей является результатом разнообразных трансформаций, происходящих на локальных или национальном уровнях, создающих возможности группам оспаривать властные порядки и добиваться внеинституциональными способами

---

⁴⁴“Contention consists of episodic, public, collective interaction among makers of claims and their objects when (a) at least one government is a claimant, an object of claims, or a party to the claims, (b) the claims would, if realized, affect the interests of at least one of the claimants, (c) at least some parties to the conflict are newly self-identified political actors, and/or (d) at least some parties employ innovative collective action” C.Tilly, D.MacAdam, S.Tarrow *Dynamic of Contentious* – Cambridge University Press, 2004 – p.7-8

изменений на институциональном уровне. Общая рамка «состязательной политики» подразумевает, что мобилизация, происходящая внутри одной политики, основывается на мобилизационных структурах, которые ограничены «сверху» правительством, создающим систему стимулов и угроз для коллективных действий. Эта система стимулов и угроз тесно связана с процессом фреймирования: одни правительства могут полагать, что публичные акции не составляют угрозу порядку и интересам правящей элиты, тогда как другие заинтересованы в жестком регулировании коллективных действий. «Состязательная политика» в настоящее время занимает ведущее место в теории социальных движений, что отчасти объясняется ее комплексностью: сочетанием основных достижений структурных теорий с когнитивными подходами. Основоположники теории Ч.Тилли, Д.МакАдам, С.Тэрроу сместили исследовательский фокус с популярного в 1960-х годах вопроса, «почему» происходят социальные движения (Т.Гарр, Д.Дэвис), к вопросу, «как» они функционируют. Это позволило учесть как структурные ограничения в виде типов политического режима или открытости политических возможностей, так и личные усилия участников, направленные на развитие движения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретические положения и выводы, сформулированные в диссертации, развивают и дополняют существующие исследования социальных движений. Вклад диссертационного исследования в решение теоретических проблем определяется осуществленным в работе анализом политической мобилизации применительно к национальному движению на локальном уровне. Автором работы выявлена композиция факторов, повлиявших на предпочтения стратегий «голоса» или «выхода» горожан в социальном движении.

В работе апробированы разработанные в теории социальных движений ведущие концепты и модели анализа. Проанализирована применимость теории «состязательной политики» к российскому материалу. Кроме того, городская среда является недостаточно тематизированной в отечественных исследованиях, где внимание концентрируется на общенациональных характеристиках мобилизации, многие из которых замкнуты на столице, поэтому анализ мобилизации в регионах вносит вклад в научное понимание общероссийских социальных движений в целом.

Практическая значимость исследования определяется общественной и политической актуальностью его проблематики. Представленный в работе анализ позволяет реконструировать механизмы самоорганизации горожан и композиционные особенности политической мобилизации на локальном уровне.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы в преподавании учебных курсов «Современная российская политика», «Политическая социология», «Политические процессы и отношения в современной России», «Политическая регионалистика».

Понимание процессов, происходящих в структурах гражданского общества, дает возможность понимать стратегии взаимодействия различных

политических акторов в городской среде. Полученные в настоящем исследовании результаты могут быть полезны как элитам, органам государственной власти, так и неэлитным группам для оптимизации отношений, а также средствам массовой информации и структурам общественного контроля.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в статьях, тезисах и материалах конференций. 5 статей опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Ход и результаты исследования обсуждались на кафедре политических наук в Пермском государственном национальном исследовательском университете, в лаборатории антропологии и этнографии ИПОС СО РАН, на региональных, всероссийских и международных конференциях. Отдельные положения защищались на IV, V и VI Всероссийских Ассамблеях молодых политологов (2011-2013 гг., ПГНИУ, Пермь), I и II «Октябрьских чтениях» (2012-2013 гг., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Уральской международной летней школе по правам человека (2012 г., Екатеринбург), на летней школе «Текущая современность» в локальном пространстве: инструменты исследования и вызовы образованию" (2011 г., Центр социологического и политологического образования ИС РАН и ЦНСИО, Иркутск), IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (2012, РОС, Уфа), X Конгрессе этнографов и антропологов России (2013 г., ИЭА РАН, Москва), VI Всероссийском конгрессе политологов: «Россия в глобальном мире: институты, стратегии политического взаимодействия» (2012 г., РАПН, Москва), III Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» (2013 г., ВЦИОМ, РАНХиГС, Москва), научных семинарах: «Сравнительный метод в истории и социальных науках: перспективы междисциплинарности» (2013 г., ПГНИУ, Пермь), Седьмой общеуниверситетской конференции ВДНХ-7 (2013 г., Европейский университет, Санкт-Петербург), конференции «Новые формы исследования общественного мнения» (2014 г., НИУ ВШЭ), «(Dis)satisfaction with Democracy and Citizens' Involvement in Post-Communist Europe» (2014 г., CBEES, Sweden).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политических наук историко-политологического факультета ПГНИУ 15 сентября 2015 года (Протокол заседания кафедры №1 от 15.09.2015)

Структура работы. Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, описана степень ее разработанности, определены объект, предмет, цели и задачи работы, изложены теоретико-методологические основы диссертации, описаны методы сбора и анализа данных, а также эмпирическая база исследования.

В **первом разделе** «Теоретико-методологические основы изучения политической мобилизации» представлены основные концептуальные подходы

к изучению политической мобилизации, дано обоснование выбора методологии исследования российского случая. В первом параграфе обсуждаются вопросы, касающиеся политической мобилизации, как она понимается в определенных традициях политической мысли. Рассмотрение данных теорий позволило сформировать исследовательский инструментарий, необходимый при изучении политической мобилизации на субнациональном уровне. Представленные научные школы складывались под влиянием определенных социально-политических факторов и событий, что во многом отразилось на предлагаемых исследователями объяснительных моделях. Так, американская научная школа первоначально возникла в виде теории коллективного поведения, где под мобилизацией понимались нерегулируемые действия толпы, вызванные «эмоциональным заражением» и коллективной депривацией участников. С появлением движения за гражданские права научный фокус перемещается с психологических объяснений к учету структурных факторов и ресурсов организации. Происходит операционализация таких понятий, как структура политических возможностей, под которой понималась совокупность внешних факторов, повлиявших на возникновение социального движения, а также классифицируются разнообразные типы ресурсов. Отличие европейской школы от американской заключалось в интересе к новым идентичностям и роли эмансипационных ценностей в формировании социального движения. Теоретики подчеркивали возникновение новых социальных движений, ориентированных на постматериальные ценности с гибким и свободным членством. В настоящее время отмечается тенденция синтеза теоретических подходов или заимствование отдельных элементов.

На наш взгляд, в настоящее время можно говорить о становлении отечественной научной школы, рассматривающей политическую мобилизацию в контексте российских условий. Во втором параграфе «Политическая мобилизация в отечественных исследованиях» нами выделяется три этапа академической рефлексии политической мобилизации. Первый этап (1991 – 1999) связан с поисками факторов демобилизации, наступившей после политической борьбы 1993 года. Исследователей интересовала проблема, почему при высокой неудовлетворенности граждане не протестуют (за исключением рабочего движения). В качестве основных причин назывался ресурсный дефицит организаций, стратегия адаптации населения к изменившимся социально-экономическим условиям. Второй этап (2000-2011) относится к появлению гражданского активизма в виде локальных групп, предъявляющих социально-экономические требования. Политическая мобилизация объяснялась рядом исследователей улучшением экономического положения и ростом среднего класса в России. Отсутствие масштабных акций (за исключением монетизации льгот) рассматривалось как результат укрепления вертикали власти, и как следствие, отсутствие раскола элит и вытеснение оппозиции на периферию.

Представляется, что можно выделить третий этап осмысления политической мобилизации в виде отдельного кейса движения «За честные

выборы» (2011-2012), поскольку состав протестующих и их требования качественно изменились по сравнению с социально-экономическими, локально ориентированными протестами в 2000-х.

Анализ теоретических подходов позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективной для комплексного исследования политической мобилизации на локальном уровне является теория «состязательной политики», возникшей на стыке несколько научных теорий, ее рассмотрению был посвящен третий параграф «Состязательная политика как методология исследования». «Состязательная политика» рассматривает политическую мобилизацию сквозь призму категорий и понятий, выработанных в теории коллективного действия, а также обращается к фреймированию ситуации из когнитивных теорий. Сочетание этих двух теоретических перспектив помогает преодолеть разрыв в анализе между структурными условиями и личными усилиями участников. Данная методология позволяет комплексно описать и проанализировать факторы мобилизации на городском уровне. В «состязательной политике» рассматриваются несколько основных элементов, способствующих или препятствующих мобилизации, к числу которых относятся мобилизационные сети, фреймы, организационная структура и структура политических возможностей. Таким образом, учитываются внутренние и внешние факторы, повлиявшие на динамику движения.

Второй раздел «Политическая мобилизация в российских городах декабря 2011 — 2012 годов» посвящен анализу факторов политической мобилизации движения «За честные выборы» на примере двух крупных российских городов Перми и Тюмени. На эмпирическом материале рассматривается конфигурация основных элементов теории «состязательной политики» и ее эвристические возможности при объяснении российского случая. Политическая мобилизация, конструирующая субъект социального действия, включенного в процесс формирования политической повестки, является важным элементом политического процесса. Мобилизация может выражаться в институциональных или внеинституциональных формах участия; последнее является примером социальных движений, возникающих поверх традиционных каналов представительства. Завершенность социального движения «За честные выборы» предоставляет возможность анализировать конфигурацию основных факторов, способствующих или препятствующих мобилизации в городской среде.

В первом параграфе «Мобилизационные сети и фреймы участия» анализируются процессы рекрутирования сторонников движения и основные «когнитивные схемы», используемые гражданскими активистами. В обоих городах недовольство парламентскими выборами складывалось еще до оглашения их результатов: горожане не верили в честность выборов и обсуждались стратегии «голосовать против всех» или «за любую другую партию, кроме «Единой России». Протестная динамика характеризовалась резким ростом количества участников, во многом превышающем обычные акции оппозиции, а затем непрерывным спадом. Проведенное исследование показывает, что в протесте приняли участие представители разных слоев

населения, рекрутируемые через персональные сети или благодаря социальным сетям. Весомую долю составил «городской средний класс» - образованные профессионалы, находящиеся в начале или середине своей карьеры, объединенные негативным консенсусом по поводу лозунга «За честные выборы», который фактически отождествлялся с лозунгом «Против партии жуликов и воров».

Большую роль в мобилизации «рассерженных горожан» играло фреймирование ситуации, которое изменялось с развитием движения. В начале движения мобилизации «рассерженных горожан» сопровождалась фреймом изменений, выразившимся в ожидании проигрыша партии власти и фреймом несправедливости, последовавшим за оглашением итогов выборов. Коллективные действия воспринимались исключительной мерой давления на власть из-за грубых и массовых фальсификаций. Фрейм «открытости возможностей» создавал представление о массовости недовольства и возможности изменить ситуацию: от личного участия и численности митингующих в целом зависело оказываемое воздействие на власть. Опираясь на анализ интервью, можно сказать, что в начале движения претензии «рассерженных горожан» были обращены к федеральной власти и связаны с требованиями честных выборов, а не оспариванием действующего курса или режима в целом.

С постепенным уходом «рассерженных горожан» изменяется политическая повестка в сторону антипутинской риторики и актуализации городских проблем до декабрьского периода. Смещение повестки с парламентских на президентские выборы в том числе снизило актуальность протестов: выступления против национального лидера многими респондентами изначально воспринимались проигрышными; если требования честных выборов имели прагматичный характер и шанс на реализацию, то антипутинская риторика выглядела неубедительно. Основным мотивом «выхода» в обоих городах становится фрейм разочарования, несмотря на широкомасштабную мобилизацию требования протестующих не были услышаны властью, а предлагаемые преобразования расценивались ими как имитация решений и не соответствовали основной повестки митинга.

Во втором параграфе «Городская среда и организационная структура движения» анализируется роль и особенности влияния городской среды на политическую мобилизацию. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, что на этапе возникновения социального движения городская среда играла минимальную роль, поскольку движение возникло поверх традиционных институтов представительства. Она приобретает значение на следующих этапах и отразилась на коалиционном составе и стратегии протестующих. В пермском случае коалиция сложилась преимущественно из гражданских организаций, которые взаимодействовали с локальной властью на уровне встреч с губернатором края, уполномоченным по правам человека и экспертной деятельности. Протестная активность также была конвертирована в движение наблюдателей и различные дискуссионные

площадки. В Тюмени доминирующими игроками были коммунистические партии, которые «перехватили» гражданский протест, а отношения с властью, если выстраивались, то носили не публичный характер.

Третья часть «Структура политических возможностей» посвящена анализу экзогенных факторов, повлиявших на динамику движения, где основную роль играла реакция власти. Автор, анализируя реакцию власти на федеральном и городском уровне, приходит к выводу, что отношения федеральных властей к митингующим оказали решающее значение на ход движения, по сравнению с реакцией локальных властей. В условиях высокой неопределенности реакция федеральных властей была непоследовательной, что выражалось в разных по содержанию выступлениях первых лиц государства. Решающим для обоих кейсов было заявление об отказе пересмотра итогов выборов, ставшее триггером постепенной демобилизации участников. Локальные власти выступали своеобразным посредником между протестующими и объектом их требований — федеральной властью. Вопросы фальсификаций выборов в местные законодательные собрания многими участниками не представлялись важными по сравнению с парламентскими или не были столь очевидными. Локальные власти по отношению к протестующим использовали одинаковый репертуар: широкое обращение к заградительным барьерам и контр-мобилизационные акции, направленные на демонстрацию сторонников.

В заключении представлены основные результаты диссертационной работы. В современной политической теории вопрос политической мобилизации обнаруживает множественность научных направлений и подходов. В западной аналитической традиции нами выделяются американская и европейская научные школы, структурирующие факторы мобилизации исходя из разных оснований. В американской школе акцент делается на внешних факторах таких, как ресурсный потенциал, социальная организация движения или структура возможностей, в то время, как европейская традиция подчеркивает значение идентичностей и ценностей участников. Также в обзоре российских исследований были не только суммированы результаты академической работы, проведенной отечественными учеными, но также рассмотрены особенности политической мобилизации в российском контексте.

В проведенном исследовании адаптировалась теория «состязательной политики» при изучении движения «За честные выборы», что позволило рассмотреть конфигурацию теоретических элементов с учетом специфики российского протестного движения. В работе выявлены такие особенности процесса политической мобилизации в российских условиях, как: городское движение «За честные выборы» возникло на основе общего коммуникативного фона и вовлечения участников через персональные сети, однако стратегия «голоса» оказалась недолговечной в условиях бедной организационной среды и эффективного контр-мобилизационного репертуара власти. Социальное движение «За честные выборы» повлияло на дальнейшую трансформацию городской среды. Городские власти во многом переняли механизмы политической мобилизации, апробированные «рассерженными горожанами», в

частности увеличили присутствие в социальных медиа и использование митингов в качестве средства легитимизации политических решений. В Перми гражданские активисты изменили протестную повестку с политической тематики до актуализации вопросов городского благоустройства. В Тюмени «эхо» протеста оказалось практически не слышным; на волне массовых протестов не возникли новые лидеры и организации, протестная повестка вернулась на додекабрьский уровень.

Важно то, что изучаемое движение сформировало и апробировало модели и механизмы политической мобилизации, которые оказались востребованными в современной России. Многие из этих механизмов оказались запущены в 2014 году, уже применительно к другой социально-политической ситуации и для иных политических целей. Тем не менее, сами технологии и модели были заимствованы из практик 2011-2012 гг. и отработаны с учетом данного опыта.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. *О.Лобанова* (в соавт.) Политическая мобилизация в российских регионах: анализ кампании «За честные выборы!» в Тюмени // Политическая наука. 2014. №4. С.75-90
2. *Лобанова О.* Протестное движение и «политика оспаривания»: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия «Политология» 2013. № 4 – С.163-167
3. *Лобанова О.Ю.* (в соавт.) Как люди и организации требуют изменений: протестный репертуар в Тюмени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены №6 (118) 2013 – С.30-39
4. *О.Лобанова* (в соавт.) Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии №1 (20). 2013 – С. 124-132
5. *О.Лобанова* (в соавт.) Гражданско-политическая активность в России в декабре 2011 – сентябре 2012 гг.: случай Тюменской области // Вестник Пермского университета. Серия политология №1. 2013 – С.5-19

В других журналах и изданиях:

1. *Лобанова О.* «От обывателей к активистам – и обратно». Обзор протестных исследований в России (1991-2015) // Неприкосновенный запас. №102. 2015 (в печати)
2. *О.Лобанова, А.Семенов* Протест, который (пока) не стал движением/ Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. - С.438-447
3. *О.Лобанова, А.Семенов* От неучастия к действию. Гражданско-политическая активность в Тюмени в декабре 2011 – сентябре 2012 гг. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. №3-4. 2012 – С.134-140.
4. *О.Лобанова, А.В. Семенов* Протест, который (пока) не стал движением. Гражданско-политическая активность в Тюменской области в декабре 2011 – мае 2012. // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса/ РОС, ИС РАН, АН РАБ, ИСППИ. - М.: РОС, 2012. - 1 CD ROM — С.4148-4156
5. *О.Лобанова* Новые формы молодежных уличных протестов в Тюмени // Сборник материалов по итогам IV Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (25-26 апреля 2011 года, Пермь/Пермь ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. С.221-222.
6. *О.Лобанова* Фактор эмоций в политической мобилизации: протестные акции в электоральном цикле 2011-2012 годов в Тюменской области // Тезисы докладов, представленных на перовой ежегодной конференции отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург «Октябрьские чтения», 2012 – С.36-38

7. *О.Лобанова* Дискурсивные особенности русских националистов Тюмени // Сборник материалов по итогам V Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (23-24 апреля 2012 года, Пермь)/Пермь ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2012. С.30-31.
8. *О.Лобанова, В.Клюева* Протестная активность православной общественности Тюменской области // Религия и гражданское общество в России: преодоление стереотипов и социальное служение: Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России, Москва, 7 июня 2011/ под ред. А.А.Красикова, Р.Н.Лункина. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. С.104-110.
9. *О.Лобанова, А.Семенов* Репертуар публичных протестных действий: опыт антропологического анализа // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. М., 2-5 июля 2013 / Под ред. М.Ю. Мартынова и др. - М., ИЭА РАН, 2013. С. 54.
10. *О.Лобанова, А.Семенов* Репертуар протеста: как люди и организации требуют изменений // Третья международная научно-практическая социологическая конференция "Продолжая Грушина". 28 февраля – 1 марта 2013 г. – Материалы конференции – М: ВЦИОМ, 2013. С.35-37.